

Е.Г. Удалова

ПАСТОР САРВЕ. ПОЕЗДКА В СИБИРЬ В ПОИСКАХ ПЕТРОГРАДСКИХ ДЕТЕЙ. 1918–1919 гг.

Весной 1918 г. около 800 петроградских детей, спасаясь от голода, отправляются на Южный Урал в составе двух питательных колоний. Начавшаяся Гражданская война отрезает их от дома. Деньги, взятые на три летних месяца, заканчиваются, наступившая осень застает детей в летней одежде. Всякая связь с Петроградом прекращается. На поиски колоний за линию фронта отправляется родительская делегация. Вместе с ними едет представитель Шведского Красного Креста пастор Вильгельм Сарве. Делегаты находят колонистов, передают им деньги и письма родителей и понимают, что везти их через линию фронта невозможно — это слишком опасно. Колонии берут под свою опеку представители Американского Красного Креста. Они возвращают маленьких путешественников в Петроград через два с половиной года, провезя их вокруг земного шара.

Ключевые слова: пастор Сарве, Красный Крест, Петроградская детская колония.

E.G. Udalova

PASTOR SARVE. TRAVEL TO SIBERIA IN SEARCH OF PETROGRAD KIDS. 1918–1919

In spring 1918 more than 800 children were transferred in two so called nutritional colonies from Petrograd to the Urals. The Civil war broke out and they could not return home. The money taken from home was spent, the summer clothes could not save from cold, there was no connection with the families. The delegation of the parents committee was sent across the front line to search the kids. The representative of the Swedish Red Cross Pastor Sarve accompanied the delegates. The delegates found the children and realized that it was impossible to take them back home because it was too risky. The American Red Cross took the children under their protection. The kids returned home after two and a half years of voyage having made a real round-the-world trip.

Keywords: pastor Sarve, Red Cross, Petrograd children's colony.

Эта удивительная история произошла во время Гражданской войны. В ней приняли участие люди разных национальностей, вероисповеданий, стоявшие на разных ступенях социальной лестницы, сражавшиеся по разные стороны фронта во время Первой мировой и Гражданской войн. Их действия согласовывались с принципами Международного комитета Красных Крестов (МККК), который не проводит никакой дискриминации по

Рис. 1. Пастор Вильгельм Сарве.
Октябрь 1918 г.

признакам расы, национальности, религии, класса или политических убеждений, стремясь лишь облегчить страдания людей. И хотя далеко не все причастные к этой истории были членами МККК, доброта и гуманность позволила им объединить свои усилия с целью спасения петроградских детей, попавших в ужасное положение. Главный герой нашего рассказа — представитель Шведского Красного Креста пастор Вильгельм Сарве (рис. 1).

Ситуация с продуктами питания в Петрограде зимой 1917/18 гг. была катастрофическая; сейчас это время правомерно сравнивают с блокадой Ленинграда. Хотя, конечно, у горожан была возможность выехать из города и найти продукты

вне его. Но тем не менее есть было нечего, и от голода больше всего страдали дети. Весной 1918 г. Союз городов и земств (Соград)¹ организовал поездки детей, учащихся школ и гимназий, в районы, где еще было спокойно и можно было найти достаточно продуктов. Из Петрограда на лето выехали тысячи детей, они хорошо отдохнули, ненадолго забыли о голоде и холоде и благополучно вернулись домой. Но была большая группа — более 800 детей в возрасте от 3 до 16 лет, которой повезло гораздо меньше. Для меня это личная история, потому что среди этих детей были две мои родные тети — Таня 13 лет и Настя 9 лет. Мой дед, отец этих девочек, Валерий Львович Альбрехт, отправился в Сибирь через линию фронта, чтобы найти там детские колонии и вернуть их домой.

Две наши детские питательные колонии покинули Петроград в мае 1918 г. Их путь лежал на Южный Урал, где для них уже были подготовлены удобные дачи. С собой дети везли личные вещи, летнюю одежду и немного денег, выделенных Союзом городов и собранных родителями в расчете на три месяца. Ехали в теплушках около двух недель. Дети сразу почувствовали, что их стали лучше кормить, о чем писали в многочисленных письмах и на открытках родителям. Из письма Тани Альбрехт:

«Ст. "Череповец" 5 час. дня 20 мая.

Милые папочка и мамочка! Если вы получили мое первое письмо, то знайте, что я хотела написать вам, как нас кормят. Вчера утром нам дали одну кружку чая, полгалеты и один кусочек сахара. В двенадцать часов на обед суп с кореньями и ветчиной. Я съела две тарелки, и на второе гречневая каша. В четыре часа опять чай с галетами и сахаром и в шесть часов ужин, была размазня, и затем в 9 часов спать. Сегодня мы встали в семь часов, опять получили чай, а в 12 часов обед: размазня с ветчиной, я опять съела две тарелки, и на второе коренья, я их не съела, Настя тоже. Настя очень мало ест. Хлеба нам не дают. Мы только и делаем, что лежим, едим и спим. Я себе отлежала весь правый бок, и он очень болит...»²

Дети радовались предстоящему отдыху, сытной еде, новым приключениям. Их разместили на прекрасных дачах в городе Миассе и поселке Курьи. Колонистов заворожила чудная природа Урала, чистейшие озера, невысокие, но такие удивительные горы. Из дневника 16-летнего мальчика Коти — будущего известного биолога Николая Родионовича Иванова³: *«Дорога в Тургояк со ст. Миасс. Дорога идет по широкой открытой долине. Направо — стена Ильменского хребта, налево — вдали хребты и вершины Урала. Сосновые леса, березовые перелески, поляны, пашни, луга. Село Тургояк привольно раскинулось близ озера, по склонам, широкими, длинными улицами...»⁴*

Их отдых совмещался с лекциями, экскурсиями, сбором коллекций. Котя Иванов писал: *«22 июля, понедельник. Встали в 6½ ч. (...Власов и Голубин). Экскурсия с К.Л. Френкель⁵. 18 чел. на оз. Большой Чертаныш (сейчас находится на южной окраине г. Миасс. — Е.У.). Обошли его (с 7 ч. у. до 3 ч. дня). Много <...> и земляники. Сбор растений. Хромистого и магнитного железняков не нашли. После обеда сушка растений (18 экземпляров)»⁶*. В нашей семье сохранилась коллекция уральских камней, собранная Таней Альбрехт.

Но, к сожалению, спокойный отдых и прогулки продлились недолго. В стране уже шла Гражданская война. Около тех мест, где находились дети, произошел Чехословацкий мятеж — военный корпус под предводительством Радолы Гайды⁷, поддержанный местными отрядами, захватил и вскоре уже контролировал огромную территорию от Урала до Владивостока, по которой проходила Транссибирская магистраль.

Всякая связь с Петербургом прекратилась, колонии оказались отрезанными от дома линией фронта. Деньги быстро подходили к концу, сказалась инфляция, сопровождавшая беспорядки. Жизнь в колонии уже не приносила радости. 4 августа Таня Альбрехт писала: *«Господи! Неужели правда*

то, что мне сейчас сказала Нина Никонова. Она узнала откуда-то, что в Петрограде чума и что город собираются сжечь. У нас в городе тоже 2-е умерли от холеры, а в колонии ходит дизентерия и холерина, очень похожая на холеру. На ваши фотографии я теперь даже не смотрю, как посмотрю, так мне хочется плакать. Ах! Поскорее бы в Петроград! Господи! Какая здесь скука! Мы ходим грязные, не мылись уже недели 2–3. Ходим почти все без белья, в одних платьях, спим без простыней и наволочек. Много оборвалось, а зашить я не умею. <...> Господи, получить бы мне хоть одну весточку от вас. Целую вас много-много раз. Крепко любящая вас дочь Таня».

К концу лета стало ясно, что вернуться домой к началу учебного года не удастся. Колонисты оказались в бедственном положении: без денег, теплой одежды и документов... На помощь пришли местные жители — частные лица и благотворительные организации. Детей небольшими группами распределили по городам, селам и станицам, одели и устроили в школы и гимназии. Они очень тосковали по родителям и мечтали вернуться домой.

В Петрограде родители, не получая никаких сведений из колоний, были в страшной тревоге. Решили послать делегатов, у которых хватит мужества и решимости перейти линию фронта, найти детей и привезти их домой. На общем родительском собрании были выбраны три отца: Пржевоцкий Иван Петрович⁸, Разумов Иван Евграфович⁹ и Альбрехт Валерий Львович¹⁰. Так совпало, что у них у всех в колонии были дочери — три у Разумова и по две у Пржевоцкого и Альбрехта.

Альбрехт свободно владел немецким языком, что облегчало его общение с представителями Красного Креста. Общим собранием Валерий Львович был выбран руководителем родительской делегации.

В те тяжелые для России годы в стране работало много представителей Красного Креста из разных стран. Международный комитет Красного Креста (МККК) был основан 24 июня 1863 г. на международной конференции в Женеве. Для того чтобы отметить заслугу его основателя — швейцарского гражданина Анри Дюнана, в качестве эмблемы общества был выбран швейцарский флаг, но цвет белого креста был изменен на красный, а цвет поля — с красного на белый. Деятельность МККК основана на семи принципах: гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность. Красный Крест оказывает помощь раненым, больным, содержащимся под стражей, гражданским лицам — всем пострадавшим в результате вооруженных конфликтов.

На помощь потерявшимся в Сибири петроградским детям пришли работники Американского, Французского, Шведского, Датского Красных

Крестов и Общество Красного Креста Нейтральных Стран. Совместно с советским правительством и Союзом городов эти организации выдали свои мандаты родительской делегации. Вот пример одного из таких удостоверений:

«Предъявитель сего делегат Родительского Комитета в Петрограде и уполномоченный Союзом Городов Валерий Львович Альбрехт, делопроизводитель Этнограф. Отд. Русского Музея, отправляется в Пермскую и Оренбургскую губ. для посещения колоний детей, разлученных со своими родителями, и прийти им на помощь всякими возможными средствами.

Ввиду трагического положения семейств, таким образом разсеянных и общего участия в неотложной помощи, Международное Совещение Обществ Красного Креста Нейтральных Стран в Москве счастливо принять В.Л. Альбрехта под свое непосредственное покровительство.

Оно не сомневается в том, что все гражданские и военные власти не откажут в самой широкой и немедленной помощи представителям родителей в поиске детей, уверено в том, что никто не может остаться безучастным к судьбе стольких невинных.

Общества Красного Креста Нейтральных Держав, работа которых в России всегда была основана на принципах обоюдности и безусловной нейтральности, обращается с убедительным призывом ко всем, к кому обратятся означенные уполномоченные, для облегчения осуществления их задачи».

Союз городов, общества Красного Креста и советское правительство выделили денежные средства на поездку, обеспечение детей и их обратную дорогу. Некоторую сумму собрали родители. Сопровождать делегатов должен был представитель Шведского Красного Креста — пастор Сарве. К сожалению, мы знаем о нем очень мало (нам неизвестны даже годы его жизни). Можно лишь предположить, глядя на фотографии, что в 1918 г. ему было около пятидесяти лет. Возраст уже немолодой, тем более для предстоявшего ему опасного путешествия. В своем дневнике Валерий Львович характеризует пастора Сарве как человека мягкого, но скрупулезно и мужественно выполнявшего возложенную на него трудную миссию.

Пастор Вильгельм Сарве, решив заняться миссионерской деятельностью, приехал в Россию задолго до Первой мировой войны. Группу металлургов — переселенцев из Швеции в 1878 г. привез управляющий Тирляньским заводом инженер Аксель Эмильевич Гассельблат. Расширение и модернизация уральских заводов требовали привлечения иностранных специалистов, умеющих работать на современных доменных печах и спо-

собных научить этому местных рабочих. Когда именно приехал на Урал Вильгельм Сарве и как долго он там оставался, нам пока не известно. Несколько лет он был пастором шведской общины и проповедовал слово Божие среди башкир. Он мечтал перевести Библию на башкирский язык. По его инициативе в деревне Ташбулатово была построена лютеранская церковь¹¹. После возвращения на родину пастор Сарве написал книгу о своих впечатлениях и жизни шведской общины в России, которая увидела свет в 1924 г.¹² Хорошо владея словом, он описал русский фольклор и нравы местного населения, а также составил небольшой этнографический очерк о Башкирии и Тирляне, где проживала шведская община.

Тигран Ганалаян в статье¹³ об армянской протестантской общине Грузии также упоминает шведского проповедника пастора Сарве. Среди восточных армян довольно широко распространилось протестантство, особенно евангеличество. В 1909 г. состоялся форум армян-евангелистов Кавказа, в котором приняли участие представители общин Еревана, Тифлиса, Баку, Шамаха, Карса и Персии. Среди участников форума были также секретарь Шведского миссионерского общества В. Сихолм и проповедник В. Сарве.

В Петербурге–Петрограде в начале XX в. существовала довольно большая шведско-финская община, насчитывавшая около 5000 членов. Ей принадлежала церковь Святой Екатерины на Малой Конюшенной улице. После начала Первой мировой войны пастор Сарве перебирается в Петроград, где он продолжает благотворительную и миссионерскую деятельность. В 1918 г. он уже член Шведского Красного Креста.

Забегая вперед, скажем, что имя пастора Сарве упоминается и в связи с украинским голодомором 1922 г. В книге А.А. Коротецкого «Летопись Херсона», в главе о 1921–1940 гг., отмечено, что 5 апреля 1922 г. «на пароходе “Одесса” в Херсон прибыл уполномоченный Шведского Красного Креста пастор В. Сарве». Он привез 75 млн рублей, посетил с инспекцией детские дома. С этого же времени в город стала поступать гуманитарная помощь Общества Нансена и Красного Креста.

Таким образом, становится понятно, что пастор Сарве не случайно был выбран для роли делегата. Помимо того что он имел опыт многолетней благотворительной и миссионерской деятельности, он уже бывал на Южном Урале и достаточно хорошо изучил этот район. Да и знание русского языка могло помочь в выполнении столь сложной миссии.

В 1918 г. советское правительство уже располагалось в Москве. Там же были и штабы Красного Креста. Родительская делегация отправилась туда для сбора мандатов, разрешений и получения денег. Из документов, полу-

ченных еще в Петрограде, наибольший интерес представляет удостоверение, выданное Альбрехту 14 сентября 1918 г. комиссаром при Русском музее:

«...Дано сие Делопроизводителю Этнографического Отдела Русского Музея Валерию Львовичу Альбрехту на предмет предоставления, куда следует, для получения разрешения на поездку в качестве делегата родительской организации 1-й детской питательной колонии Петроградского Областного Всероссийского Союза Городов, находящейся в г. Миассе Оренбургской губ., и 2-й детской колонии, находящейся в курорте Курьи Камышиловского уезда Пермской губернии, с целью обратной доставки колоний в Петроград.

Вместе с сим я, нижеподписавшийся Комиссар Рабоче-Крест. Правительства при Русском Музее, ручаюсь, что тов. Альбрехт является деятельным и ревностным советским работником и никакого отношения к белогвардейским и контрреволюционным организациям не имеет.

Комиссар при Русском Музее — Н. Пунин»¹⁴.

Подготовка всех мандатов и разрешений заняла около двух месяцев. В нашей семье сохранилось множество фотографий, писем Валерия Львовича жене и его дневник, что позволяет нам довольно подробно осветить эту часть истории спасения петроградских детей.

В Москву И.П. Пржевоцкий и В.Л. Альбрехт поехали 17 сентября 1918 г. Началось долгое хождение по различным организациям, комитетам, посещение влиятельных людей. Побывали у Чичерина, Вениамина Свердлова¹⁵, председателя Союза городов. От Якова Свердлова, бывшего в то время председателем ЦИК, Альбрехт получил документ: *«Разрешение. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов разрешает товар. В.Л. Альбрехту проезд в делегатском вагоне от ст. Москва до ст. Кузнецк и получить билеты вне очереди».*

19 сентября 1918 г. Альбрехту выдали следующее удостоверение:

«Шведский Красный Крест сим удостоверяет, что г-н Валерий Львович Альбрехт состоит членом делегации, отправляемой Родительской Организацией “Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам” для эвакуации детей граждан города Петрограда, задержанных в колониях 1) Миасс — Оренбургск. губ и 2) Курьи, Пермской губ. Камышиловск. уезда.

Шведский Красный Крест работает во всех воюющих странах на принципах полной нейтральности с целью помощи всем страдающим от последствий войны и просит все власти оказать всевозможное содействие гражданину В.Л. Альбрехт для выполнения им своей гуманитарной миссии».

Первое упоминание о пасторе Сарве в дневнике Валерия Львовича относится к 20 сентября: «Разумова нет, и о пасторе Сарве ничего не слышно. В пятницу был в Шведском Консульстве (Брюсовский пер., 8), где мне передали телеграмму о том, что пастор приезжает в субботу. В воскресенье виделись с Сарве, ему также необходимо хлопотать все бумаги, как и делегации. Нужны 3 фотогр. каждого делегата и представителя Кр. Креста. Пропуски через фронт при посредстве И.П., по распоряжению Склянского, могут быть выданы не ранее как через 3 дня».

Тогда же Альбрехт писал своей жене Августе Ивановне: «Дело наше туго подвигается вперед, и причиною этому мы не являемся. Все необходимые бумаги от Международной Комиссии Кр. Креста у нас уже на руках, не оказалось только ни у кого из нас 3-х фотограф. карточек каждого делегата. Завтра идем в моментальную фотографию сниматься, узнавал о цене: 15 р. за дюжину, меньше не делают. Карточки будут готовы только к вечеру в понедельник, во вторник их надо отдать для приклейки к свидетельству (пропуск через фронт), и только через три дня эти пропуска нам могут быть выданы. Значит, в четверг только можно определить день нашего отъезда отсюда...»

Долго решали, каким путем вывозить детей из Сибири — по железной дороге или водным путем. Решили, что через фронт поедут только трое — Альбрехт, Пржевоцкий и пастор Сарве. Разумов и агент Сограда Ирошников должны были остаться в Москве для продолжения работы по налаживанию дела с пароходами, санитарным поездом, продовольствием и теплыми вещами.

К концу сентября родителям были выданы пропуска для перехода через линию фронта. А пастору Сарве удостоверение не выдали, так как не успели его изготовить.

На пастора Сарве была возложена денежная часть миссии. И именно с ней и была главная задержка: «1-го окт. Результаты дня. От Сограда получена была телеграмма о выдаче денег (88000) представителю Междунар. Кр. Креста. О пасторе ни слова. Денег конечно не выдали. <...> Пастор Сарве у нас сидит и объясняет, как он вчера денег в Союзе Городов не получил». Содействие в получении денег и документов оказывал также представитель Шведского Красного Креста Фрик. Он несколько раз упоминается в дневнике Альбрехта. Была задержка и со списками детей. «Пятница 4 окт. Фрик не приехал. Пастор получил деньги и распоряжение из Петрограда: до получения от Фрика списков родителей не выезжать. Поедем ли мы вообще? Становится тяжело...»

В списках около каждого имени ребенка должна была находиться подпись одного из родителей — по этому документу детей должны были привезти домой. Во всем царила неразбериха, родители очень нервничали, они стремились скорее ехать за детьми. *«Что тогда можно предпринять? Где же те дополнительные деньги, о которых во всех телеграммах все эти дни упоминается? Какая инструкция для пастора Сарве? Как он должен распорядиться с деньгами? <...> Да и вообще с этим человеком так поступили хорошо, что лучше не надо. В то время, когда нам все-таки выдано было прежде по 500 р., а затем еще 2000 р. на троих, пастор оказывается ничего совершенно ни от Союза Городов, ни от Фрика не получил».*

Еще 3 октября Валерий Львович пишет жене: *«Дорогая Густинька. Волынка тянет все еще душу. Я записываю в тетрадь последовательно, как, независимо от нашей воли и нашей работы, складываются обстоятельства по нашему делу. Эту тетрадь я на твое имя заказным пакетом пошлю из Кузнецка перед переходом за фронт, и ты будешь вполне в курсе дела. Мне эта запись необходима для доклада Общему собранию по возвращению в Петроград».* Так и произошло. Дневник Альбрехта вернулся в Петроград, и это одна из самых ценных реликвий в нашей семье.

Наконец все документы собраны, деньги получены, и делегация в конце октября покинула Москву. 2 ноября Пржевоцкий, Альбрехт и пастор Сарве переходят линию фронта и прибывают в Уфу. Здесь, на территории, подвластной правительству Колчака, действует другая власть. Но местные организации, войдя в положение, оказывают всевозможную помощь: выдают удостоверения, мандаты и предписания о содействии. Вот, например, документ, подписанный командиром 3-й этапной отдельной роты: *«Всем волостным и сельским учреждениям. Предъявителю сего делегату Нар. О-ва Красного Креста Шведского и Датского Кр. Кр. Валерию Альбрехту предписываю давать беспрепятственно подводу по его указанию».*

Приехав на Урал, делегаты узнают, что дети небольшими группами разбросаны по городам, селам и станицам. Они начинают методично объезжать эти населенные пункты, останавливаясь в каждом на несколько дней. Раздают деньги, общаются с детьми и воспитателями, рассказывая о жизни в Петрограде. Всех особенно интересуют списки, привезенные Альбрехтом. Дети по несколько раз просили Валерия Львовича показать им подлинные мамы или папы — все очень соскучились, а посмотрев, и даже прикоснувшись к ним, они становились как будто ближе... По этой же причине вскоре многие стали называть Альбрехта папой — он олицетворял для них родителей. Из письма колонистки родителям: *«Это было в Петропавлов-*

ске. Однажды к нам приехал папа Насти и Тани Альбрехт. Все были очень рады, потому что он привез подписи от родителей, он жил у нас 1 месяц и учил нас петь и танцевать, но так как он приехал делегатом, то ему надо было уезжать обратно в Петроград...» Во многих группах дети захотели сфотографироваться с делегацией, часть этих снимков сохранилась.

Перейдя линию фронта, прочувствовав все тяготы пути в военное время, с неразберихой, отсутствием расписания, эпидемиями и пр., делегаты поняли, что везти сейчас детей в Петроград слишком рискованно. К счастью, в Сибири в это время также работали сотрудники Американского Красного Креста (АКК). Видимо, в Омске делегация родителей и пастор Сарве провели переговоры с их представителями. Из воспоминаний Татьяны Альбрехт, записанных ею в 1970-е годы: «Перед отъездом отец мне сказал, что скоро нам будет жить легче. Почему, он мне не объяснил, но мне кажется, что он тогда уже знал, что нас берет на свое попечение Американский Красный Крест...»

25 декабря 1918 г. из Омска Альбрехт пишет письмо дочерям и их подругам: «Судьба вас закинула за тысячи верст от любящих вас людей, вы не чувствуете над собою любящей руки матери. Никто и никогда не заменит нам наших близких, родных и если мы видим в людях хорошее к себе отношение, заботу и ласку — как это ценно для тоскующей души. Я оставил вас людям, посланным нам самим Провидением, которые поняли по благородству своей души ваше положение и которые обещали мне не покидать вас. Я уверен, что в них вы найдете утешение в ваших горестях».

Срок действия мандатов подходил к концу, делегатам надо было возвращаться в Петроград. Каждому ребенку разрешили написать письмо на одной страничке общей тетради. И все радовались, что могут послать домой весточку.

В своих воспоминаниях Таня Альбрехт написала: «Когда Настенька узнала, что папа уезжает, она стала умолять его взять ее с собой, плакала страшно, говорила, что не будет ему мешать, будет делать все, что он ей скажет. Папа очень расстроился, уговаривал ее, утешал и говорил, что он поехал от всех родителей и не имеет права привезти только свою дочь». Валерий Львович отлично понимал, что пересекать фронт даже с одним ребенком слишком рискованно. И, конечно, большую роль сыграло природное благородство, не позволившее ему забрать только свою дочь.

В Петроград делегаты возвращались не вместе. Пастор Сарве и Пржевотский уехали немного раньше, Альбрехт добирался один. По пути произошло несколько случаев, которые только утвердили его в правильности

принятого решения не везти детей через линию фронта. Один раз он попал в район перестрелки и прятался вместе с возчиком под телегой, пока не утих бой. В другой раз патрульный офицер хотел его сразу расстрелять, и Валерию Львовичу стоило немало труда уговорить его посмотреть документы. Ехал он и в вагоне для тифозных больных. Сведений о том, как добрались до Петрограда Пржевоцкий и пастор Сарве, мы не имеем. Но можно предположить, что это тоже было трудно и опасно.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится интересный документ — обращение одной из матерей, чьи дети находились в колонии. К сожалению, нам не удалось по подписи определить, кто это.

«Товарищу Заведующему Дошкольным отделом.

Товарищ, я случайно узнала, что пастором, Швейцарским подданным, привезены письма от детей, находящихся в местах, занятых чехословаками, то есть из Колоний: Шадринской и Белореченской. Я конечно письмо получила, которое было для меня, и хотела известить некоторых родителей об этой радости, которые несомненно тоскуют и томятся, так же как и я, не получая от детей никаких известий, но, к сожалению, я не знаю ничего адреса, так поэтому обращаюсь к Вам как к Заведующей отделом, и думаю, что Вы со мной будете вполне согласны в том, что действительно надо уведомить родителей о имеющихся письмах, хотя бы объявлением в газетах, если не через районные Советы, т.е. что письма привезены уже большие месяца, а я была по делам нашего института в Комиссариате и узнала что до сих пор еще письма находятся в отделе и сделано распоряжение об уведомлении родителей, я предполагаю, что Вам совершенно неизвестно о наличии вышеозначенных писем, беру на себя смелость напомнить Вам об этом.

10.04.1919 г. подпись — неразборчиво»¹⁶.

К этому документу сделана приписка: «Исполнено», что позволяет надеяться, что все родители получили долгожданные весточки от своих детей.

О дальнейшем пути Петроградской детской питательной колонии мы расскажем кратко. Более подробное описание этого увлекательного и опасного путешествия можно прочитать в статье О.И. Молкиной, опубликованной в этом же сборнике.

Приняв более 800 детей под свое покровительство, сотрудники АКК снова собрали их всех вместе, предоставили им все необходимое для жизни, учебы и досуга. Многие дети умели играть на различных музыкальных инструментах, которые были им куплены. Был составлен небольшой оркестр, под игру которого проходили спектакли и танцы. Помимо учебы в школах и гимназиях, с ними занимались иностранными языками, учили

вязать, шить и вышивать, обращаться со столярными инструментами. И самое главное — представители АКК (первый директор — Альфред Сван, затем Райли Аллен и Барл Бремхолл) обещали всем детям, что обязательно доставят их домой, к мамам и папам.

Но война долгое время не давала осуществиться этим планам. Бои продолжались, линия фронта сдвигалась на восток, и, уходя от нее, колонии двигались все дальше от Петрограда. К лету 1919 г. они прибыли во Владивосток. Там детей разместили двумя группами на станции Вторая Речка и на острове Русском. Они снова стали учиться. По субботам у них были обязательные танцы под музыку собственного оркестра; они ставили спектакли, организовывали концерты и маскарады.

Для нашей семьи остров Русский навсегда стал трагическим местом. Младшая из сестер Альбрехт, Настя, которая просила отца взять ее с собой, простудилась, у нее развилось воспаление легких, осложненное плевритом. 16 декабря 1919 г. она скончалась в Американском госпитале и была похоронена на Поспеловском кладбище острова Русский.

Во Владивостоке колонии прожили еще один год, все время ожидая возвращения домой. Летом 1920 г. ситуация на Дальнем Востоке ухудшилась, возникла угроза японской интервенции. АКК получил от своего правительства приказ свернуть все свои дела в России и вернуться в Америку. Но Аллен и Бремхолл не могли бросить на произвол судьбы доверившихся им детей. У тех не было не только средств к существованию, но и документов. А некоторые из них уже достигли 18-летнего возраста. По железной дороге ехать было невозможно, хотя теплушки уже были подготовлены. Решили вывозить детей морем. По иронии судьбы единственной страной, которая согласилась дать корабль для этой цели, оказалась Япония, находящаяся в состоянии войны и с Россией, и с Америкой. И здесь вновь хочется напомнить, сколько разных людей объединила эта история в стремлении делать добро и спасти ни в чем не повинных детей. Был зафрахтован сухогруз «Йомей Мару», который быстро переоборудовали для перевозки людей: трюм разделили на каюты с нарами, оборудовали душевые и учебные комнаты, лазарет. В дополнение к средствам Американского Красного Креста большую сумму на эти цели выделил хозяин пароходной компании господин Кацуда Гинзиро. Была набрана японская команда во главе с капитаном Мотодзи Каяхара. Детей погрузили на «Йомей Мару», и началось их путешествие через два океана. На этом долгом пути были остановки — в Японском порту Муроран, в Сан-Франциско и Нью-Йорке; они прошли Панамским каналом, незадолго до этого построенным¹⁷. Везде детей прекрасно встреча-

ли, осыпали подарками и сувенирами, устраивали для них концерты и экскурсии. Двухмесячное плавание закончилось в Финском порту Койвисто. Затем ребят разместили на удобных дачах бывшего императорского санатория Халила. Несколько месяцев дети прожили в Финляндии. Представители АКК не отпускали их в Петроград, не получив подтверждения от родителей или других родственников, что каждого ребенка там ждут.

Только в январе 1921 г. все путешественники были возвращены домой. Так трехмесячный летний отдых превратился в кругосветное путешествие, продлившееся два с половиной года. На всю жизнь колонисты сохранили дружбу, потрясающие воспоминания о приключениях и благодарность ко всем, кто помог им вернуться в Петроград (рис. 2, 3, 4). Мы, потомки и родственники детей-путешественников, пытаемся сохранить память обо всех мужественных и добрых людях, помогавших петроградским колониям на их долгом и трудном пути домой. Мы также надеемся, что нам удастся узнать о дальнейшей судьбе пастора Сарве, рискующего жизнью ради спасения детей.

Рис. 2. Посещение пастором Сарве и В.Л. Альбрехтом колонистов в Петропавловске. 1918 г.

Верхний ряд, 6-я слева — Татьяна; 2-й ряд сверху, 6-й слева — В.Л. Альбрехт; 3-й ряд сверху, 2-я слева — Анастасия, 3-й — пастор Сарве

Рис. 3. Петропавловск. 1918 г.

*1-й ряд сверху, 4-я справа — Татьяна; ниже нее — В.Л. Альбрехт;
3-й ряд сверху, 2-я слева — Настя, 3-й слева — пастор Сарве*

Рис. 4. Делегаты в Омске. Декабрь 1918 г.

*Верхний ряд, 6-й слева — В.Л. Альбрехт; 3-й ряд сверху, 3-й слева — пастор Сарве,
4-й — И.П. Пржеводский, спереди лежат братья Якобсон — Леонид и Сергей*

* * *

¹ Всероссийский союз земств и городов — патриотическая организация либеральных помещиков и городской буржуазии, созданная в августе 1914 г. в целях оказания помощи царскому правительству в организации тыла во время войны. Оказывал гуманитарную помощь больным и раненым воинам, а также беженцам с оккупированных территорий. В основном финансировался за счет пожертвований.

² Здесь и далее цитаты из документов, дневников и писем, сохранившихся в семье Альбрехт–Удаловых. Во всех цитатах сохранена орфография и пунктуация оригиналов.

³ Иванов Николай Родионович (1902–1978) — биолог, доктор сельскохозяйственных наук, лауреат премии им. Н.И. Вавилова (1976 г.) за серию работ в области генетики и селекции зерновых бобовых культур. Н.Р. Иванов — ученик и преданный последователь Н.И. Вавилова, со студенческих лет работал в ВИРе.

В годы войны и блокады он вместе с группой сотрудников, оставшихся в Ленинграде, сделал все возможное для сохранения Вавиловской коллекции семян института. В страшный 1943 г. для восстановления всхожести семян скороспелых сортов он посеял их совсем недалеко от линии фронта. Н.Р. Иванов предотвратил уничтожение коллекции, когда поступило распоряжение смешать образцы, «чтобы не смог воспользоваться враг». Кроме того, он вел большую работу по развитию огородничества и пополнению рациона блокадного города продуктами растительного происхождения. Был награжден медалью «За оборону Ленинграда в Великой Отечественной войне».

⁴ Дневник Н.Р. Иванова «Экспедиции. 1918 г.». С. 6.

⁵ Френкель Кирилл Львович — учитель биологии.

⁶ Дневник Н.Р. Иванова «Экспедиции. 1918 г.». С. 8.

⁷ Радола Гайда (настоящее имя: Рудольф Гайдль, 1892–1948) — чехословацкий военачальник и политический деятель.

В начале Первой мировой войны был мобилизован. Весной 1916 г. прибыл в Одессу и поступил на службу в русскую армию. В мае 1918 г. стал одним из руководителей антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса. Летом 1918 г. — командующий чехословацкими войсками восточнее Омска. С 24 декабря 1918 г. — командующий Сибирской армией.

1 января 1919 г. поступил на службу в российскую армию Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. Позднее между Колчаком и Гайдой возникли противоречия, и 2 сентября 1919 г. по распоряжению Колчака Гайда был уволен из российской армии, лишен всех наград и генеральского чина.

17 ноября 1919 г. во Владивостоке возглавил мятеж против колчаковской власти. Гайда и некоторые его помощники были арестованы. По требованию союзных миссий Гайда был освобожден и покинул Россию.

⁸ Пржеводский Иван Петрович — слесарь, революционер-подпольщик. Во время Гражданской войны был на партийной работе. Пропал без вести во время Великой Отечественной войны.

⁹ Разумов Иван Евграфович был преподавателем биологии в бывшей Александровской женской гимназии. Ему было поручено доставить в Сибирь собранные родителями теплые вещи. Он повез их через Москву и Нижний Новгород, на пароходе пытался добраться до Уфы, но ему не удалось перейти линию фронта с таким огромным грузом (вещей было собрано до четырех куб. сажень — это около 23,5 кубометров). Передав все в один из местных детских домов, он вернулся в Петроград.

¹⁰ Альбрехт Валерий Львович (1878–1935) — выходец из семьи музыкантов и музыкальных деятелей немецкого происхождения, с 1838 г. проживавших в России. Музыкант-виолончелист и сотрудник Русского музея. С 1914 г. занимался благотворительной деятельностью: был почетным старшиной и преподавателем музыки Детского приюта в память цесаревича Георгия Александровича. С 1917 г. под руководством З.И. Лилиной (вторая жена Г.Е. Зиновьева, одна из крупнейших советских деятельниц в области попечения о детях) занимался организацией детских домов, площадок и приюта «Капли молока».

¹¹ Сейчас село Ташбулатово в Абзелиловском районе Республики Башкортостан.

¹² *Сарве В.* Шведы на Урале. Стокгольм, 1924.

¹³ *Ганалаян Т.* Армянская протестантская община Грузии. URL: http://noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=5661

¹⁴ Пунин Николай Николаевич (1888–1953) — историк искусства, художественный критик. Второй муж А.А. Ахматовой.

¹⁵ Свердлов Вениамин Михайлович (1886–1939) — младший брат Якова Свердлова.

¹⁶ Письма родителей с запросами о местонахождении детей и ответы на них // ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 897.

¹⁷ Панамский канал официально был открыт 12 июня 1920 г.